

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Благотворительность мірская и христіанская.

(Слово въ недѣлю 20-ю по Пятидесятницѣ).

Въ нынѣшнемъ евангельскомъ чтеніи, православные, мы слышали повѣствованіе о воскрешеніи Господомъ сына вдовы Наинской. Всякій разъ, какъ мы воспоминаемъ объ этомъ событіи и со вниманіемъ углубляемся въ него, — у насъ появляется чувство глубокаго умиленія предъ великою любовью нашею Спасителя и его жалостію къ человѣческому горю и несчастью. Но для христіанина недостаточно только умиляться дѣлами Христовыми, — онъ обязанъ по мѣрѣ силъ подражать имъ въ своей жизни. Правда, въ настоящемъ случаѣ мы не можемъ подражать Христу самымъ дѣломъ: по имѣемъ мы такой великой вѣры, силою которой могли бы воскрешать умершихъ. Но мы можемъ и должны усвоить по крайней мѣрѣ то внутреннее сердечное настроеніе, съ какимъ Господь нашъ воскресилъ умершаго юношу. Евангеліе говоритъ намъ, что при видѣ несчастной матери-вдовы, неутѣнно плачущей надъ бездыханнымъ трупомъ своего единственнаго сына-юноши, у Господа появилось чувство сердечной жалости и состраданія къ ней: „Видѣвъ ю Господь, милосердова о ней, и рече ей: „Не плачи“ (Лук. VII, 13); это чувство и побудило Господа совершить чудо для утѣшенія несчастной матери. Конечно, у рѣдкаго изъ насъ не пробуждается въ сердцѣ жалость при видѣ человѣка, сраженнаго смертію близкихъ, — особенно при видѣ матери, потерявшей сына. Но чувство это должно появляться у насъ не въ такихъ только исключительныхъ случаяхъ; жалостію и теплотой сердечной должно сопровождаться всякое наше доброе дѣло; всякая истинно-христіанская благотворительность проистекаетъ именно изъ сердца, согрѣтаго сострадательною любовію къ ближнимъ. На этой мысли, православные, мы и остановимъ свое вниманіе.

На первый взглядъ, повидимому, излишне было бы и говорить о томъ, что благотворительность должна проистекать изъ любви. Кто-нибудь можетъ сказать: „Да это понятно само собою; да развѣ можетъ быть благотворительность безъ любви? Не въ добрыхъ ли дѣлахъ заключается и самая любовь по существу своему?“ На это мы скажемъ: „Нѣтъ, братіе!“ Послушаемъ, что говоритъ намъ апостолъ: „Аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое во еже сжещи е, любви же не имамъ, пкая польза ми есть“ (1 Кор. XIII, 3). Значить, человѣкъ можетъ быть великимъ благотворителемъ, можетъ даже жертвовать собою, не имѣя въ то же время любви, — и тогда подвиги его уже не имѣютъ христіанской цѣнности. Эта

мысль станетъ для насъ понятнѣе, если мы сопоставимъ благотворительность христіанскую, основанную на жалости сердечной, съ благотворительностію мірской, свѣтской, которая вытекаетъ изъ иныхъ побужденій.

Прежде всего, къ сожалѣнію, въ наше время нерѣдки такія явленія, когда благотворительность обращается въ средство для совершенно постороннихъ цѣлей, — служить однимъ изъ многочисленныхъ способовъ къ пріобрѣтенію похвалъ и почестей. Особенно въ такъ называемомъ „большомъ свѣтѣ“ мы видимъ не мало такихъ людей, которыхъ одинъ изъ нашихъ свѣтскихъ писателей заклеилъ глубоко-насмѣшливымъ и мѣткимъ именемъ „акробатовъ благотворительности“. Такіе люди ежегодно или одновременно жертвуютъ на какое-ли доброе дѣло рубли, десятки или сотни рублей, смотря по своему состоянію, — съ тою главною цѣлію, чтобы имя ихъ было пропечатано въ газетахъ и красовалось въ годичныхъ отчетахъ того или другого общества въ спискѣ членовъ дѣйствительныхъ или почетныхъ. Эти благотворители „вся дѣла свои творятъ, да видими будутъ чловѣки, ... любятъ же преждевозлеганія на вечерахъ, и преждедѣданія на сонмищахъ, и цѣлованія на торжищахъ“ (Матѣ. XXIII, 5—7). Такой благотворитель часто не довольствуется тою извѣстностію, какою пользуется въ своемъ родномъ городѣ, — а хлопочетъ о томъ, чтобы слухъ о немъ дошелъ до столицы, и имя его стало извѣстно высшему начальству; и добивается онъ этого нерѣдко темными и нечистыми путями, — однихъ задариваетъ, другимъ льститъ, третьихъ даритъ, чтобы только достигнуть цѣли. И вотъ, его желаніе исполнилось: его замѣтили; о немъ знаютъ, ему прислана грамота, благодарность, медаль или орденъ; съ такъ называемой „благородною гордостью“ онъ принимаетъ эти знаки отличія, — одни изъ нихъ вывѣшиваетъ на видномъ мѣстѣ въ своемъ домѣ, а другими самодовольно увѣшиваетъ и украшаетъ себя по торжественнымъ днямъ. Нужно ли говорить о томъ, что такой благотворитель на дѣлѣ нерѣдко бываетъ самымъ черствымъ, отъявленнымъ себлюбцемъ, и его себлюбіе тѣмъ хуже, что прикрывается личиною милости къ ближнимъ? Онъ щедрою рукою сылеть деньги на какой-нибудь пріютъ, больницу или богадѣльню, потому что это будетъ всемъ извѣстно, — а часто и не позаботится посмотрѣть по-внимательнѣе вокругъ себя, вѣтъ-ли гдѣ по близости, на глазахъ у него, вошющаго горя или нужды; не дастъ онъ себѣ „унизительнаго труда“ пойти куда-нибудь въ глухую улицу, гдѣ въ темной и сырой лачугѣ томится больной бѣднякъ, или гибнуть отъ пылства и разврата драгоценныя чловѣческія души, нерѣдко увлекая за собою въ погибель и пединныхъ дѣтей; не пойдетъ онъ туда, гдѣ придется увидѣть и услышать людское горе воочию и воушію, въ самой жизни, а не на словахъ только или на бумагѣ, въ видѣ холоднаго списка именъ или ряда цифръ. Зачѣмъ благотворителю идти сюда? Только разстроишь свои нервы, а толку для себя никакого не будетъ: вѣдь объ этомъ не узнаютъ, не напеча-

ють, — за это медали не принимаютъ. Такой благотворитель нерѣдко бываетъ самодуромъ въ своей семьѣ, мучителемъ для своей прислуги или подчиненныхъ: здѣсь, гдѣ его не видитъ никто изъ постороннихъ, онъ разнуздывается и какъ будто спѣшитъ вознаграждать себя за всю ту сдержанность и притворство, какія приходится ему принимать на себя въ обществѣ. Часто онъ вознаграждаетъ себя и за расходы на благотворительность: одною рукою онъ жертвуетъ, а другою расхищаетъ ввѣренное ему общественное или частное имущество, обмѣриваетъ и обвѣшиваетъ покупателей, обесчечиваетъ рабочихъ, безжалостно описываетъ имѣніе несчастнаго должника. Святое дѣло помощи ближнимъ, которое должно вытекать изъ жалости сердечной, онъ стремится обратить въ источникъ потѣхи и развлеченія; не потому-ли и являются теперь нужными благотворительные концерты, спектакли и даже (стыдно сказать) маскарады и танцевальные вечера: вѣдь нужно же привлечь на доброе дѣло капиталы какой-нибудь поблажкой ихъ владѣльцамъ! Гдѣ же здѣсь христіанское вниманіе къ ближнимъ, гдѣ теплота сердца, гдѣ жалость и любовь? Есть-ли здѣсь что-либо похожее на истинную христіанскую благотворительность?

Но довольно объ этой благотворительности, или вѣрнѣе, игрѣ въ благотворительность, которая, къ сожалѣнію, такъ нерѣдка въ наше время; обратимся къ другому роду мірскаго благотворенія, который, повидимому, заслуживаетъ большаго вниманія и уваженія. Есть люди, которые помогаютъ ближнимъ не отъ теплоты сердца, а отъ холоднаго ума; это — благотворители, дѣйствующіе во имя общественной пользы, но убѣжденію, какъ говорится, по принципу. Такіе люди заботятся о врачеваніи больныхъ — почему? потому что иначе произойдетъ вырожденіе и вымираніе человечества, и чрезъ то разстроится общественная жизнь; стараются они о помощи бѣднымъ — почему? потому что иначе накопится много недовольныхъ, которые могутъ озлобиться, подняться и бурно-стихийнымъ движеніемъ своимъ разрушить устои государства. Такіе благотворители говорятъ, что съ людскимъ горемъ надо бороться въ самой основѣ его, въ первыхъ причинахъ, — и потому много толкуютъ и хлопочутъ о коренномъ переустройствѣ общественной жизни. Безспорно, такая благотворительность почтенна: она осмысленна и направлена не къ личной выгодѣ самого дѣятеля, а къ пользѣ общественной. Но и этотъ путь благотворенія по принципу, взятый въ отдѣльности самъ по себѣ, не безупреченъ и не вполне надеженъ. Если сердце человека не согрѣто жалостію къ ближнимъ, то онъ и здѣсь легко вступаетъ на дорогу себялюбія, и, что особенно печально, можетъ даже найти себѣ оправданіе въ своемъ же собственномъ ученіи. Вотъ, наприм., попросить у него бѣднякъ милостыню, а ему не захочется подать, — и тотчасъ же готово оправданіе: вѣдь подаваніе — это только частная мѣра, бесполезная палліатива; нужно коренное переустройство общества на новыхъ началахъ, чего не въ силахъ сдѣлать отдѣльное лицо своей подачкой; не

подасть такой благотворитель бѣдняку даже изъ принципа, чтобы не плодить попрошайничества. Не захочется поддержать человѣка, слабого тѣломъ или духомъ, — и опять готово оправданіе: вѣдь сама наука устами своихъ великихъ служителей говоритъ намъ, что во всей природѣ царитъ великій законъ борьбы за существованіе; а по этому закону слабые должны гибнуть и умирать, чтобы на ихъ счетъ возрастали и укѣплялись сильнѣйшіе; такъ зачѣмъ же послѣ этого искусственно поддерживать слабыхъ? Принципіальный благотворитель, не имѣющій жалости, совершенно спокойно откажется помочь безнадежно больному, основательно разсуждая вмѣстѣ съ лѣвичникомъ Платономъ, что, собственно говоря, незачѣмъ даже и кормить его, такъ какъ онъ и себѣ въ тягость, и для другихъ бесполезенъ.

Посмотримъ теперь на истинно-христіанскаго благотворителя. Сердце его исполнено горячей сострадательной любовью къ людямъ, — и эта именно любовь движетъ его на дѣла милосердія и на самоотверженное служеніе ближнимъ. Онъ видитъ людское горе, и не можетъ пройти мимо него, не оказавъ несчастнымъ носильной помощи, или, по крайней мѣрѣ, не сказавъ имъ сочувственнаго, утѣшительнаго слова; онъ слышитъ жалобный голосъ бѣдняка, который проситъ милостыни, — и не можетъ отказать ему въ подавни. Въ этомъ случаѣ благотворитель-христіанинъ не старается заглушить голосъ своего сердца и удержать свою дающую руку различными соображеніями вродѣ того, что этимъ дѣлу не поможешь, что, пожалуй, расплодишь нищество, что нужны и дѣйствительны только коренныя мѣры; правда, и онъ признаетъ важное значеніе такихъ мѣръ, и самъ старается по возможности примѣнять ихъ, — но въ то же время не забываетъ сердцемъ словъ Христовыхъ: „Просищему у тебе дай“ (Матѣ. V, 42). Онъ чувствуетъ, что этотъ бѣднякъ можетъ умереть съ голоду или пойти на преступленіе по его вину, если онъ, просимый, не подастъ тотчасъ же, а будетъ дожидаться коренной перестройки общества, — и потому не успокоится, пока не поможетъ просителю. Но благотворитель-христіанинъ помогаетъ горю вовсе не затѣмъ, чтобы только поскорѣе отвязаться отъ него и удалить его съ глазъ долой, какъ это нерѣдко дѣлаютъ благотворители мірскіе, указанные нами раньше. Истинный благотворитель не бѣжитъ отъ людского горя и не гонитъ его отъ себя, — напротивъ, завидя несчастье, самъ первый участливо идетъ къ нему, старается полнѣе и глубже разувзпать все его подробности и причины, чтобы тѣмъ лучше можно было помочь ему. Мало того: христіанину-благодѣтелю кажется недостаточнымъ помогать только тому горю, которое само бросается въ глаза и требуетъ помощи; онъ понимаетъ и чувствуетъ, что не мало есть на свѣтѣ такого горя, нерѣдко страшнаго, безвыходнаго, которое, однако, не можетъ или не смѣетъ громко вопить о себѣ и потому скрывается отъ глазъ людскихъ. И вотъ, созная это, благотворитель со святой тревогой сердечной осматривается вокругъ себя и усиленно ищетъ, нѣтъ ли гдѣ по близости неза-

мѣщной имъ прежде души христіанской, скорблящей и озлобленной, милости Божіей и помощи требующей. И все болѣе расширяется сердце его для святой жалости къ ближнимъ; и по мѣрѣ того, какъ онъ принимаетъ въ свое сердце чужія скорби и страданія, на немъ видимо сбывается дивный законъ духовной жизни, указанный апостоломъ: „Богъ утѣшаетъ насъ во всякой скорби нашей, чтобъ и мы могли утѣшать находящихся во всякой скорби тѣмъ утѣшеніемъ, которымъ Богъ утѣшаетъ насъ самихъ. Ибо по мѣрѣ, какъ умножаются въ насъ страданія Христовы, умножается Христомъ и утѣшеніе наше“ (2 Кор. I, 4—5). Чѣмъ болѣе человекъ скорбитъ вмѣстѣ со своими ближними, тѣмъ большее утѣшеніе доставляетъ имъ, и тѣмъ тѣснѣйшій союзъ любви соединяетъ его съ ними; а здѣсь-то и заключается дивный, неизсякаемый источникъ духовной радости, — той радости, которая произрастаетъ изъ скорбнаго христіанскаго сердца, и о которой говоритъ апостолъ: „Я исполненъ утѣшеніемъ, презобилую радостію, при всей скорби нашей“ (2 Кор. VII, 4). Взгляните на такого человека послѣ того, какъ ему пришлось поплакать вмѣстѣ съ плачущими, или вызвать облегчающую слезу умиленія у ближняго, окаменѣлаго отъ горя, или облегчить его вѣдшее бѣдственное положеніе: посмотрите, какъ сквозь слѣды недавнихъ слезъ на грустно-сосредоточенномъ лицѣ его въ задумчивыхъ глазахъ такъ и свѣтится чистая, святая, неземная радость объ утѣшеніи ближнихъ своихъ! Невольно чувствуешь и вѣришь, что въ эти святяя минуты Самъ Господь невидимо сходитъ въ его душу, и сбываются слова Христовы: „Кто любитъ Меня, тотъ соблюдетъ слово Мое; и Отецъ Мой возлюбитъ его, и Мы придемъ къ нему, и обитель у него сотворимъ“ (Іоаннъ XIV, 23). Въ этомъ христіанинъ-благотворитель и находитъ здѣсь на землѣ свою высшую награду: онъ не стремится къ широкой извѣстности, не домогается похвальныхъ отзывовъ печати, — напротивъ, жизнь свою онъ часто проводитъ въ тиши и безвѣстности, такъ что, по слову Христову, лѣвая рука его не знаетъ, что дѣлаетъ правая (Матѣ. VI, 3). Онъ не ищетъ славы человѣческой; но нерѣдко еще здѣсь на землѣ его окружаетъ слава Божія, и сбывается надъ нимъ слово Христово: „Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно“ (Матѣ. VI, 4). Благовонное вещество, скрытое подъ снудомъ, мало-по-малу наполняетъ своимъ благоуханіемъ всю окружающую среду, и такимъ образомъ становится для всѣхъ замѣтнымъ; такъ и христіанинъ, благотворящій въ тиши, распространяетъ вокругъ себя свѣтъ и теплоту любви, заключенной въ его сердцѣ; и мало-по-малу возжигается отвѣтный свѣтъ и теплота въ сердцахъ и душахъ людей, которые, повидимому, должны бы быть къ нему равнодушны или даже враждебны. Взглянемъ хотя бы на великаго свѣтильника нашей русской церкви, — Кронштадтскаго пастыря о. Іоанна, въ сердцѣ котораго яркимъ пламенемъ горитъ сострадательная любовь къ ближнимъ. Его молитвенной помощи просить люди самыхъ разнообразныхъ званій, народностей и вѣроисповѣданій;

къ нему идутъ приять благословеніе еврей, искони враждебные Христу и Его церкви; ему пишетъ письмо съ просьбой помолиться объ исцѣленіи его больной матери десятилѣтній мальчикъ, дитя просвѣщенной Франціи, сыны которой въ большинствѣ своемъ уже извѣрились въ Бога и Христа и теперь поклоняются — кто прогрессу и цивилизаци, кто — сатаѣ, кто — Буддѣ. И мы думаемъ и вѣримъ, что именно чрезъ такихъ людей, какъ Кронштадтскій пастырь, Самъ Господь приведетъ къ Себѣ иныхъ овецъ, которыхъ не отъ двора Его (Іоаннѣ. X, 16).

Таковы дивныя свойства и великая сила благотворительности христіанской, основанной на любви и жалости сердечной! Поистинѣ, она какъ небо отъ земли отстоитъ отъ благотворительности мірской, разъединенной съ духомъ Христовымъ! Будемъ же сами стараться и Господа просить о томъ, чтобы и намъ проникнуться святыми чувствами Спасителя, Который по сердечной жалости къ несчастной матери воскресилъ ей сына. Господи милосердый! избави насъ отъ окамененнаго нечувствія, и даруй намъ сердце новое, согрѣтое святымъ состраданіемъ къ ближнимъ, да возможемъ и мы всегда не только „радоватися съ радующимися“, но и „плакати съ плачущими“ (Рим. XII, 15).

А. Воронцовъ.

Мученики за Христа въ Персіи въ IV столѣтіи *).

(Для вѣбогослужебныхъ чтеній).

Въ царствованіе царя Саворія (IV в.) воздвигнуто было жестокое гоненіе на христіанъ. Въ числѣ придворныхъ слугъ царя было трое тайныхъ христіанъ, *Акиндиѣ, Пигасій и Анемтодистъ*, которые многихъ уже успѣли расположить къ Христовой вѣрѣ. На нихъ было доложено царю, что они не только сами поклоняются Христу, но и другихъ располагаютъ къ христіанству. Царь приказалъ представить ихъ къ себѣ. Прямо съ молитвы они были силою взяты и представлены царю. Царь, не подавая имъ вида, спросилъ ихъ: „откуда вы, дѣти мои?“ Они отвѣчали: „ты спрашиваешь о нашемъ отечествѣ? Отечество наше и жизнь наша — пресвятая, единосущная и нераздѣлимая Троица, Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, одинъ Богъ“. Царь сказалъ имъ: „очевъ вы храбры, что смѣете предо мною исповѣдывать иного Бога. Еще вы не знаете, что значатъ муки и рана?“ Они отвѣчали: „мы такъ храбры о Господѣ нашемъ и готовы за него принять всякія мученія и страданія. Если не вѣришь нашимъ словамъ, попробуй испытать на дѣлѣ; наложи на насъ какія угодно мученія

*) Изъ Четвы-Минеи Святителя Димитрія Ростовскаго.